

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

К 80-летию со дня рождения Ярослава ГАЛАНА

МОСКВА. Осень 1943 года. Злой, холодный ветер, взметая охапки мокрых листьев, со свистом мечется по улице. Редкие прохожие, попадающиеся мне навстречу, куда-то спешат. Хмурые сосредоточенные лица; война стерла с них улыбки, затаилась в глубине глаз немой тревогой. Улица, еще недавно красивая, с двумя рядами старых лип, теперь выглядит мрачной и какой-то бесконечно длинной.

Но вот наконец и клуб писателей. Машинально сворачиваю к подъезду, и на ступеньках сталкиваюсь с каким-то мужчиной. Энергичное, волевое лицо. Высокий лоб, серые глаза, упрямый подбородок. Густые светлые волосы причудливо взъерошились от ветра. На нем солдатская гимнастерка, поношенные сапоги и выдавший виды неопределенного цвета плащ. Он почему-то не был застегнут и развевался за плечами.

Незнакомец отступил на шаг и, склонив слегка голову набок и улыкнувшись одними глазами, произнес обычное в таких случаях: «Виноват». Помню, меня поразил тембр голоса — глубокий и какой-то необычно мягкий, бархатный. Промелькнула мысль: «С таким голосом — только оратором быть». Тогда я и не подозревала, что не так уж далеко от истины... «Прощу», — еще раз прозвучал этот голос. Я проскользнула в открытую им дверь и через минуту, вероятно, забыла бы о встрече, если бы не этот необычный, надолго запоминающийся голос.

Несколько дней спустя в одной из комнат клуба писателей, именовавшейся малым залом, я писала какие-то не то плакаты, не то объявления. Неожиданно чья-то голова просунулась в дверь.

— Директора здесь нет?

— Нет.

Голова исчезла. Из коридора послышалось недовольное бормотание:

— Куда же он мог деваться?

И вдруг до моего слуха донесся знакомый мягкий, спокойный голос:

— Не беспокойтесь, пожалуйста. Я подожду.

В дверях появился и сам незнакомец, с которым я столкнулась у подъезда.

— Добрый день. Разрешите мне здесь подождать?

— Пожалуйста.

Он устало опустился в кресло и стал молча смотреть, как я орудовала кистью. Я не любила, когда кто-нибудь наблюдал за мной во время работы. Из-за этого посадила кляксу; пытаюсь ее смыть, локтем задела ролон бумаги, и он с шуршанием покатился на пол. Незнакомец поднял бумагу и положил на стол.

— Вы не любите, когда смотрят под руку?

— Сказать «да» — невежливо. Сказать «нет» — будет неправдой...

Он от души рассмеялся: — Вас нельзя обвинить в отсутствии открытости. Не сердитесь, больше не буду мешать.

С этими словами он поднялся с кресла. Заметив, что я собираю со стола краски, спросил:

— Уже закончили свою работу?

— Да, уже закончила.

— Как вы думаете, директор еще появится?

— Вряд ли. Сейчас в союза начнется собрание; он, вероятно, там.

— Ну, тогда ждать бесполезно.

Мы вместе вышли из клуба. На ступеньках мой спутник остановился, что-то припоминая.

— Да ведь мы старые знакомые. Помните, несколько дней

Мария КРОТКОВА-ГАЛАН

«Я ЛЮБЛЮ

ЭТУ БУРЮ...»

Страницы воспоминаний

назад судьба нас здесь столкнула... Остается только представиться, — и полушутливо, полусерьезно, с поклоном протянул руку: — Галан.

— Кроткова.

Порыв ветра рванул его плащ, который взвился и затрепетал, как парус. Галан машинальным жестом попытался застегнуть его, но безнадежно махнул рукой — пуговицы отсутствовали... Перехватив мой взгляд, он улыбнулся, вернее, улыбались одни его глаза, а лицо оставалось совершенно спокойным.

— У меня нет не только пуговиц, у меня даже дома нет... — Затем неожиданно спросил: — Вам в какую сторону?

— К Садовой.

— Нам по пути.

Мягко шуршали под ногами листья. По мостовой, озабоченно чирикавая, шмыгала стайка вездесущих воробьев. Серые лохматые тучи проплывали так низко, что казалось, вот-вот заденут крыши домов. Некоторое время мы шли молча. Это началось меня тяготить, и я спросила:

— Вы, вероятно, нездешний?

— Да, я из Львова.

— Вы были там в сорок первом?

— Нет, война застала меня в Крыму. Оттуда, как был в этом плаще, так и отправился в Уфу. Но тогда, — добавил он, бросив лукавый взгляд, — на нем были еще пуговицы...

Незаметно за разговором прошли улицу Воровского и свернули на Садовую. Начинал накрапывать дождь.

— Азов красивый город? — спросила я.

— Очень красивый. Впрочем, мне трудно быть объективным; я слишком люблю этот город. Люблю, несмотря на то, что мне пришлось пережить в нем много тяжелых дней...

И он стал рассказывать о Львове: его истории, старинной архитектуре, легендах, окутывающих романтической дымкой далекое прошлое этого города. Галан был не только интересным собеседником, но и блестящим рассказчиком. Я заслушалась его и даже не сразу обратила внимание на усиливающийся дождь. Машинально стала искать глазами какое-нибудь укрытие. Галан, угадав мои мысли, беспечно сказал:

— У вас непромокаемый плащ. А что касается меня, я все равно уже промок.

— Тогда прибавим шагу. Минут через десять дойдем до моего дома, и я смогу предложить вам стакан горячего чая.

— Это очень заманчиво, но... удобно ли это?

— Вы действительно насквозь промокли, и если сейчас не выпьете чего-нибудь горячего — наверняка простудитесь.

Быстро прошагали остаток пути. Когда пересекли двор моего дома, Галан замедлил шаг и, колеблясь, снова спросил:

— Но что скажут ваши ро-

дители, увидев такого промокшего незнакомца?

— Во-первых, у меня только один «родитель» — мама. Во-вторых, она скажет, вероятно, то же, что и я: промокшему незнакомцу следует высушиться.

— Если так, с радостью принимаю ваше приглашение.

Я жила с матерью и сестрой в двух небольших комнатах. Выглядели они довольно уютно, как, впрочем, большинство московских квартир того времени. В одном углу были сложены дрова (поломанные табуретки, обломки забора, щепки), в другом углу приотлилась наспех сложенная из кирпичей печка-временка. Эти маленькие печурки, такие смешные и нелепые в городских квартирах, были добрыми спутниками трудных военных лет. Посередине комнаты стоял старинный резной стол, покрытый вместо скатерти потертой клеенкой. На подоконнике были разбросаны краски, кисти, тетради. На полу около печки валялась лучина. Мне было как-то не по себе, что весь этот беспорядок видит почти незнакомый человек. Но Галан вел себя так просто и непринужденно, что чувство неловкости скоро исчезло.

Познакомившись с мамой и сестрой, он довольно быстро втянул всех в общую беседу. Разговор, естественно, зашел о войне, о делах на фронте: немцы в то время были не так уж далеко от Москвы... Не могу дословно восстановить сказанное тогда, но хорошо помню, сколько боли и гнева звучало в словах Галана, когда он говорил о фашизме, заливавшим весь мир кровью, о немецком кованом сапоге, пытавшемся растоптать цивилизацию, культуру, человеческое достоинство... Но не только боль и гнев звучали в его голосе — в нем была еще горячая, непоколебимая вера в победу. Мне запомнилась его фраза: «Они неизбежно проиграют войну; проиграют, потому что историю вспять повернуть нельзя». Незаметно для себя мы размечтались о том дне, когда кончится война и жизнь войдет в нормальную колею.

— Мы тут размечтались, а печка погасла; чайник не вскипел, — вернула нас мама к действительности. Она взяла валявшиеся около печки нож и молоток и стала раскалывать поленья. Галан поспешно встал и предложил свои услуги. Но молоток неловко скользнул в его руке и ударил по пальцам, державшим нож. Мы все рассмеялись, и мама, заявив, что в дровосеки наш гость не годится, быстро расправилась с поленьем сама. Галан, потирая ушибленные пальцы, смущенно произнес:

— Надо же так оскандалиться!.. А казалось, что это очень просто!

В печке весело загудело пламя. Чайник стал шипеть и хлюпать крышечкой. На столе появи-

лись горячая картошка, томатный соус (заменявший масло) и хлеб, нарезанный микроскопическими кусочками. Галан долго отказывался от ужина, но после настоятельных уговоров согласился. Когда с картошкой было покончено, всем разлили чай. Хозяйке, правда, пришлось извиниться за отсутствие сахара.

— Это исправимо, — сказал Галан и, порывшись в карманах, достал завернутые в газету леденцы.

После чая мы еще долго сидели за столом. Когда Галан рассказывал о событиях в Западной Украине, у мамы невольно вырвался вопрос:

— Что же будет с вашей семьей?

— У меня нет ни семьи, ни родственников... Один как перст... — невесело улыбнулся он. Потом обвел рассеянным взглядом комнату и, взглянув на стенные часы, удивленно воскликнул: — Я бессовестно злоупотребляю вашим гостеприимством. Уже поздно.

Он поднялся из-за стола и стал прощаться.

На другой день вечером он снова зашел к нам. Едва переступив порог, заявил, что забвжал всего на минуту, так как очень спешит. Пригласил меня на концерт, который должен был состояться через несколько дней.

Но побывать на музыкальном вечере нам было не суждено. В день концерта, закончив работу немного раньше, я спешила домой, чтобы успеть переодеться. Пересекая Садовую улицу, вдруг услышала за спиной торопливые шаги. Кто-то меня догонял.

— Как хорошо, что встретил вас. Я направлялся к вам... Спешил... попрощаться.

— Вы уезжаете?..

— Да. Сегодня сообщили, что вечером должен выехать. Через три часа уходит мой поезд.

— Далеко? Если это не секрет, конечно.

— На Украину, в Харьков. А оттуда — куда пошлют.

Я пригласила его в дом, но Галану хотелось в последний раз перед отъездом побродить по московским улицам. Медленно пошли по Садовой. Дойдя до площади Маяковского, свернули на улицу Горького. Пересекая центр и вышли к набережной, остановились у парапета. Вечерело. Сумерки окутывали город, на воде гасли последние блики. Галан, облокотившись на каменный барьер, задумчиво смотрел в воду. Наблюдая за ним, я невольно подумала, что же он все-таки подумает: романы, пьесы или занимается журналистикой? Поэзию я исключала начисто, ибо поэты, познакомившись с девушкой, обязательно читают ей стихи. Кто же все-таки он? Так и не решив, я довольно бесцеремонно спросила:

— Что вы пишете?

Он внимательно посмотрел на меня, потом достал из кармана гимнастерки вчетверо сложенный листок. От бумаги пахло свежей типографской краской. Это было обращение к населению оккупированных областей Западной Украины. Но это была не просто листовка. Каждая строчка — стусок гнева, страстный призыв к беспощадной борьбе. Казалось, что каждое слово написано кровью сердца. Такие слова мог найти только человек, умеющий сильно любить, беспощадно ненавидеть и бороться не на жизнь, а на смерть за те идеалы, которым он посвятил себя всего без остатка.

Галан выжидающе смотрел на меня, а я продолжала молчать. В этот момент раздался бой часов Кремлевской башни. Галан с грустью сказал:

— Как быстро пролетело время. Мне пора...

Мы направились к центру. Галан неожиданно, как будто что-то вспомнил, сказал:

— Мария, не обижайтесь, я хочу оставить вам свои продуктовые карточки. Знаю, вам нелегко живется...

Я наотрез отказалась, и он не стал больше настаивать. Дойдя до остановки автобуса, попрощавшись, мы расстались.

На другой день, придя на работу, я увидела на столе конверт. На нем не было ни марок, ни почтовых штампов. Незнакомым почерком была написана моя фамилия. Когда я вскрыла конверт, из него выпали продуктовые карточки...

Через некоторое время я получила письмо от Галана из Купьянска. Он писал:

«...Не знаю, получили мое письмо или нет; от Вас — никакой весточки. Впрочем, может, и была, да не попала ко мне, так как письма ко мне идут на Харьков, а сюда, где я сейчас работаю, они попадают лишь изредка.

Мария! Я довольно много пережил за последнее время, и кажется, что я выехал из Москвы месяцев шесть тому назад. Но я не забыл ее, она и сейчас стоит передо мной как живая... Работа у меня слабая, хорошая, и делаю ее на мой лучший, со всем пылом моего неспокойного сердца. Постепенно, хоть и с трудом привыкаю к бум-бум, и кажется, что без этого вообще нельзя... Я люблю эту бурю не ради самой бури, а за то, что она дала мне возможность поверить в себя, за то, что она преисполнила меня той страстью, которая зовет меня и в годы покаяния жить ею и творить дела, которые, быть может, не сойдут со мной а могилу».

После этого письма у нас завязалась переписка, но ненадолго: мне время от времени приходилось покидать Москву (всю молодежь мобилизовали на трудовой фронт), а у Ярослава Александровича часто менялся адрес. Переписка оборвалась, и мы надолго потеряли друг друга из вида. Вторично наши дороги пересеклись только после войны, когда Галан через Москву оказался в Новосибирском дрессе...

Ярослав ГАЛАН с женой М. А. КРОТКОВОЙ-ГАЛАН в санатории. 1948 год. Карпаты.